

1945—1995

Культура. - 1995. - Бюлет. - С. 5

ВОТ СОЛДАТЫ ИДУТ...

Ее песенное имя в годы Великой Отечественной войны звучало повсеместно. Да и после Победы в радиоконцертах, на эстраде, на пластинках произносилось рядом с именами братьев Покрасс и Утесова, Дунаевского, Цфасмана, Кнушевицкого, Силантьева, Богословского... Это ей отдал свою заветную песню "Вот солдаты идут" Кирилл Молчанов.

С первых дней войны оркестр Цфасмана, в котором пела Ружена Сикора, был расформирован. У певицы началась другая жизнь. Вместо репетиций — дежурство на крышах. Вместо выступлений на сцене — концерты в госпиталях.

— Стоишь перед людьми с повязками на глазах, перед безногими, а они — улыбаются... У одного нет правой руки, у другого — левой, а они прижились плечом к плечу и аплодируют — один — левой, другой — правой... — вспоминает Сикора.

Кто не пережил войну, тому трудно это представить. Но в Москве я оставалась недолго. Сразу же попросилась во фронтную бригаду Москонцерта.

Первые два года — сорок первый и сорок второй — провела в основном в саперных частях. Каждый день — два-три концерта, как доберешься. Хлебнули мы, конечно, и каши вперемешку со снегом. Но были мы тогда молоды, и казалось, что иначе и быть не может.

Я расскажу только один эпизод. Это было вблизи Воронежа. На станции тьма народу, главным образом военные. Они возвращались из госпиталей в свои части. В вагон мы с баянистом Леней Экманом едва втиснулись, а дальше тамбура войти невозможно. Поезд тронулся. Холод жуткий. Часто останавливались — то бомбежка, то путь разбит... На вторые сутки во время такой очередной стоянки солдаты все-таки соорудили мне "плацкартное место": две подобранные доски связали обрывками веревок и каким-то образом прикрепили к потолку. И вот туда меня подсаживали. Посмотрела я сверху на своих спутников и вижу — почти на каждом бинты. Я спрашиваю, как же воевать с раненой рукой? А мне отвечают: так ведь это рука, если в руку — значит, раненый, если б в голову, был бы убитый... Ехали так восемь суток. Как мы стали выглядеть после этого, можете себе пред-

ставить. Но попали в часть, и надо петь.

Правда, в поездах подъехать к месту назначения удавалось редко. Чаше на лошадях, на попутках. Дороги наши известны, но это были еще и фронтовые дороги, искореженные, разбитые.

Однажды бредем за лошадь, по рельсовому пути, а вплотную справа — штабеля шпал, слева — пропасть. Ни шагу в сторону! И вдруг навстречу поезд на всех парах. Деваться некуда. Пришлось пустить лошадь прямо в пропасть, и мы все за нею. Когда поезд промчался, стали подниматься. У кого нога сломана, у кого ребра, но живы остались... В тот вечер в какой-то, не помню, части я пела "Непутевый" и "Ну, улыбнись!" Блантера. Мои слушатели улыбались, но так и не узнали о том, что наша бригада могла до них и не добраться.

— Вы были молодой женщиной. Вы выходили к зрителям в концертном платье. Вы пели о счастье, когда шла война...

— Все артисты старались вести себя, как солдаты, вот и все. Случалось и отлеживаться под бомбежкой на сырой земле. Случалось падать в воду от пуль. И в окружение попадали. Да что там перечислять — война... Но были и удивительные проявления заботы об артистах. Помню, в расположении Баграмяна, который очень любил нашу бригаду, даже соорудили "зрительный зал": на поляне в лесу — скамейки из бревен.

Ехали как-то из части в часть на трех грузовиках, спешили, а тут — ливень. Встали. Мокнем. И вдруг навстречу кто-то едет. Сопровождавший нас боец, увидев, что водитель не тормозит, газует мимо, прямо с борта прыгает в кузов уходящего грузовика. Пробрался к кабине водителя, заставил его остановиться. Перебрались мы из трех машин в эту одну и поехали. Радости было! Ведь уже совсем

было решили, что пойдем пешком.

Те из нас, кто вместе работал в бригадах, оставались самыми близкими друзьями на всю жизнь. Для меня это Ирма Яунзем. Ее уже нет. Прекрасная танцовщица Тамара Константинова. Ее нет. Николай Примасс. Его тоже нет... Как поется в песне, которую написал для меня мой давний друг Феликс Лаубе: "И почти уже некому в ту страну позвонить". Жизнь многих унесла.

— Сколько же дней провели на войне вы, Ружена Владимировна?

— Я как-то никогда не считала. Но было как — возвращаешься с фронта, едва передохнешь,

несколько выступлений в госпиталях и снова на фронт. В любом случае дома я бывала по несколько суток, на фронте — месяцами... И потом пела на всех военных кораблях, на всех границах.

— А где вы встретили День Победы?

— В Москве. И едва услышали голос Левитана, было такое счастье, что словами не передать. Никто не мог усидеть дома, все ринулось на улицу, на Красную площадь. Хотелось разделить свою радость со всеми. Это было такое время: мы жили не для себя, трудились не для себя, и горе было общее, и радость тоже.

— А участником войны вы считаетесь?

— Нет.

Наша газета уже писала о том, что признать артистов фронтовых бригад участниками Великой Отечественной — это не более, чем исправление несправедливости. На одном из высоких собраний об этом говорила Мария Миронова. Об этом говорили многие другие артисты на других торжественных встречах. Решения пока так и нет...

Г. ВЛАДИМИРОВА.